

Глава 15. Без глаз

Я сгорал от любопытства по поводу этих костей, но профессор явно не желал обсуждать эту тему, и я не решился настаивать.

Они стремительно собрали лагерь. Часть людей осталась с обозом, остальные же, налегке, двинулись вглубь степи.

Их тактика передвижения была весьма оригинальной: подобно ракете, отбрасывающей ступени, они проходили определённый участок, после чего часть группы либо возвращалась, либо оставалась ждать, в то время как остальные продолжали путь. Таким образом, все ресурсы в первую очередь доставались авангарду, а сокращение численности группы уменьшало нагрузку на снабжение. За тот месяц, что я провёл с ними, они израсходовали не так уж много припасов; у них оставалось ещё полно топлива и несколько больших ящиков с едой — этого вполне хватило бы на то, чтобы нынешний состав отряда ещё долго колесил по степи.

Меня определили в машину к Златовласому. Мы ехали во главе колонны, вдвоём в большом и довольно новом внедорожнике. Заднее сиденье было завалено всевозможным оборудованием. В салоне стойко держался запах новой кожи, от которого меня слегка мутило.

Водил Чжоу Цзымо из рук вон плохо. На бескрайних просторах степи, где не было ни единого препятствия, он умудрялся ехать так, словно оказался в центре мегаполиса в час пик, с его вечными светофорами и пробками. Спутник то резко ускорялся, то тормозил, и от этой тряски съеденный утром завтрак подкатывал к горлу.

— Ты можешь ехать ровнее? — не выдержал я, когда он в очередной раз сбавил скорость.

— Я дорогу смотрю, — пропел Златовласый, в одном ухе у него был наушник. — Или ты хочешь, чтобы я в яму влетел?

— Но не до такой же сте...

Не успел я договорить, как он вдавил педаль тормоза в пол. Меня тут же вывернуло. Я забарабанил по двери, требуя, чтобы он её открыл, и, вывалившись наружу, опорочил желудок.

Когда я, тяжело дыша, выпрямился, он протянул мне пачку салфеток. Я выдернул несколько штук и принялся вытираться.

— Что ж ты раньше не сказал, что тебя укачивает, — невинным тоном произнёс он. — Я человек ответственный, когда веду разведку. Должен убедиться, что на этом участке нет ям, в которых может застрять машина. А как это проверить? Правильно, проехать по ним

колесом...

Я вытер рот, швырнул салфетки в пакет для мусора и с грохотом захлопнул дверь.

Я был зол, потому что он стопроцентно издевался надо мной. Мне всегда было трудно с такими людьми. Только подумаешь, что у Чжоу нет никаких границ, как он тут же их выстраивает. А как только решишь, что границы есть, он выкидывает что-то такое, что делают только очень близкие друзья.

Впрочем, я не ожидал, что дверь захлопнется с таким оглушительным звуком. Я и сам вздрогнул. Блондин посмотрел на меня с улыбкой, никак не отреагировав.

— Обиделся? — лениво протянул он через несколько секунд.

— Нет, — отрезал я. — Поехали.

Цзымо картинно вздохнул, а затем, вывернувшись, полез на заднее сиденье за вещами. Я вжался в дверь, опасаясь, что он задумал очередную пакость. И точно — через мгновение собеседник извлёк из-за сиденья топор.

— Ты что делаешь?!

Топор был воткнут в рюкзак, и когда он его вытащил, лезвие сверкнуло прямо перед моими глазами. Я отшатнулся, в голове пронеслись десятки кровавых сценариев, в которых он, поддавшись чужой воле, проламывает мне череп. Он же, усмехаясь, придвинулся ближе и, когда я вжался в дверь до упора, сунул мне в руки топорище.

— Подержи-ка, — сказал он. — Я тебе кое-что достану.

Мне ужасно хотелось пнуть его, но я сдержался, опасаясь, что это приведёт к кровопролитию.

Он вытащил вперёд большой рюкзак — видимо, свой собственный. Топор, торчавший сбоку, действительно мешал.

Но он сделал это нарочно, я был уверен.

Покопавшись с минуту, он извлёк... большие наушники.

— Тут музыка. Послушаешь, уснёшь, и тошнить не будет.

Он забрал у меня топор и хотел было надеть на меня наушники, но я увернулся.

Я сидел, обняв наушники, а он, напевая, вёл машину. Во мне всё кипело. Чёрная жижа гнева пузырилась в мозгу, грозя выплеснуться наружу и утопить всё вокруг. Наконец, я с трудом выдавил из себя:

— Господин Чжоу, я понимаю, что моё присутствие — вынужденная мера, — сказал я. — Но знайте, это не я напросился к вам, а вы настояли на том, чтобы я поехал. Вы можете прямо сейчас поговорить с профессором. Если вы все согласны, то можете отправить меня обратно...

Златовласый бросил на меня расслабленный, насмешливый взгляд.

— Ну что ты, я же просто пытаюсь тебя развеселить, — сказал он. — Не принимай всё так близко к сердцу.

Я с силой ударил ногой в районе бардачка. От оглушительного удара водитель вздрогнул, инстинктивно притормозив. Улыбка на его лице слегка померкла, но он тут же сделал вид, что ничего не произошло, и поехал дальше.

— Господин Чжоу, — продолжил я, — вы читали моё дело. Я — пациент психиатрической клиники. Иногда, когда я злюсь, я совершаю поступки, которые не могу контролировать.

Я чувствовал, как он изучает меня. Две десятых его внимания были сосредоточены на дороге, остальные восемь — на мне.

— Я просто люблю шутить, — сказал он. — Не обижайся.

— Шутка — это когда смешно, — ответил я. — Вы совершенно не умеете считывать настроение. Это культурные различия? Или вы просто больной?

Он понял, на что я намекаю, ведь это было написано у меня на лице.

— А ты... — протянул он. — Знаешь... довольно забавный.

Я молчал. Мы ехали в тишине. Через некоторое время Златовласый заговорил первым.

— Прости, — сказал он, на удивление легко и непринуждённо. — Я хотел тебя подразнить, но не думал, что ты и впрямь разозлишься. Мои извинения. Впредь буду осторожнее.

Я молча смотрел вперёд, полностью его игнорируя.

«Ты часто так извиняешься? — мелькнуло у меня в голове. — В твоих словах нет ни капли искренности, сплошная заученная схема»

Видя, что я молчу, он отвернулся и сосредоточился на дороге. Но не прошло и трёх минут, как он снова заговорил.

— А знаешь... — начал он.

Он наблюдал за моей реакцией. Такие, как он, должны быть мастерами общения, способными за несколько дней втереться в доверие к кому угодно. То, что он так себя вёл со мной, могло означать лишь одно: он не считал меня достойным своего внимания. От этой мысли мой гнев вспыхнул с новой силой, как масло, плеснувшее в огонь.

Я не ответил. Он продолжил:

— Та «старая знакомая», о которой говорил Старина Чэнь... на самом деле его бывшая жена.

Я удивлённо взглянул на него и тут же попался в ловушку — он ждал этой реакции. Я тут же отвернулся, делая вид, что ничего не слышал.

— Тебе ведь интересно? — спросил он. — Такие, как он, производят впечатление людей, которые будут терпеть измену жены всю жизнь, лишь бы не разводиться и не терять лицо...

— Если тебе интересно, — он постучал пальцами по рулю, — я могу рассказать. Хочешь послушать?

«Чёрт возьми, в такой атмосфере я должен сказать, что хочу послушать сплетни? У тебя вообще мозги есть?»

Я упрямо молчал. Видя, что я не особо сопротивляюсь, он самодовольно усмехнулся и продолжил.

Оказывается, у профессора действительно была жена. По словам Чжоу, она была настоящей красавицей, властной и эффектной, похожей на актрису Сесилию Чун.

— Их история довольно запутанная. Старина Чэнь был человеком подневольным, так что их поженили, даже не познакомив. Развелись они тоже заочно. Встретились по-настоящему лишь несколько лет назад, на задании.

— Это же брак по договорённости, — сказал я.

Хоть я и выглядел угрюмым, а тон мой был далеко не дружелюбным, я понимал, что подаю сигнал к примирению. Спутник, услышав мой голос, заметно оживился.

— Вроде того, — ответил он. — Их свели, а потом они разошлись. Старина Чэнь сначала слышал о костях, но не знал, чьи они. А когда узнал, стал о них заботиться. Наверное, всё-таки есть разница, знаешь, как-никак бывшая жена, какие-то чувства остались.

Я, честно говоря, сомневался, что Чэнь Сюань стал бы так поступать только потому, что это его бывшая жена. Он казался мне человеком, который заботится обо всех новичках. Новость о его браке меня шокировала лишь потому, что я не мог представить его в роли мужа. Он выглядел настолько асексуальным, что казалось, будто у него нет обычных человеческих страстей.

Цзымо, видимо, уловил в моём взгляде нотки восхищения учёным и решил подлить масла в огонь. Бессовестный.

— А что насчёт костей? — спросил я. — Она ведь жива. Откуда они взялись?

— Никто не знает, — лениво ответил Златовласый. — Она не просто жива, а живёт и здравствует, руководит собственным отрядом, не уступающим нашему. Многие гадают, сойдутся ли они снова...

— Так что с костями? — повторил я. — Как вы поняли, что это её?

— Анализ ДНК. Сначала думали, что это кто-то из пропавших без вести, а оказалось — живой человек, — сказал он. — Она, наверное, тоже была в шоке. Но потом костяных бусин становилось всё больше... По весу мы нашли уже три четверти человеческого скелета.

— Существует гипотеза, что в тот день, когда будет найдена последняя бусина, она навсегда исчезнет в том мире.

Я ощутил гнетущее чувство неотвратимости судьбы. Если бы мне сказали, что однажды я превращусь в горстку костяных шариков в коробке, я бы, наверное, потерял аппетит и сон, не говоря уже о желании продолжать исследования.

Каждый твой шаг может приблизить тебя к смерти. Такое психологическое давление выдержит не каждый. Хоть я и не был с ней знаком, я проникся к ней уважением.

— А почему именно бусины? — спросил я, понимая, что вопрос звучит жестоко. — Что... случилось, что она превратилась в бусины?

— Никто не знает.

Улыбка постепенно сошла с лица Златовласого. Тема была не из весёлых.

— Если смотреть с оптимизмом, то, возможно, кто-то нашёл её после того, как она

превратилась в бусины, и сложил в коробку, чтобы её нашли потомки. Но есть и другая, куда более вероятная версия... нечто превращает людей в бусины, а затем, подражая человеку, складывает их в шкатулку, как трофеи.

— Впрочем, она сама относится к этому философски. Говорит, что даже после смерти сможет служить ориентиром, указывающим на безопасные входы. Можно сказать, оставит след в истории.

Позже Златовласый рассказал мне ещё кое-что. Например, что они отправились на поиски, потому что упоминание об этой шкатулке было в найденных ими документах. И что подобные случаи среди них не редкость. Например, «Завещание», которое произнесла шаманка на свадьбе, на самом деле принадлежало не ей. Сама шаманка не знала ни китайского, ни тем более этого шифра.

Она произнесла слова человека, пропавшего пятнадцать лет назад. Расшифрованное сообщение гласило: «Чёрная гора здесь. Я не могу вернуться».

Слушая всё это, я испытывал смешанные чувства. Их поступки были героическими. Великие свершения всегда совершаются благодаря таким неспасаемым героям, которые, подобно муравьям, сбившимся в шар, бросаются в реку, жертвуя немногими ради спасения большинства.

Но в то же время меня охватывали печаль и страх. Я мог восхищаться такими героями, но сомневался, что сам готов пойти по этому пути. Я знал себя. Я не мог так просто принять смерть, какой бы великой и вдохновляющей ни была жертва. Другие будут воспевать её, но тот, кого воспевают, уже превратился в горстку костяных бусин. В моих глазах слава не могла перевесить ужас неизвестной смерти.

Впрочем, я не собирался судить их, ведь я не герой. Они — да. Я — лишь случайный прохожий, забредший на этот пир, который изменит мир.

Благодаря этому разговору напряжение между нами спало. Пять или шесть часов спустя мы наконец добрались до места. Силы покинули меня, поясница болела, и у меня уже не было желания разговаривать. Я просто закрыл глаза и дремал на пассажирском сиденье.

В середине пути я предложил сменить его, но Чжоу отказался, опасаясь, что я, не умея «прощупывать» дорогу, действительно загоню машину в овраг.

Ну и слава богу. Я не стал настаивать и продремал до самого конца.

Выносливость Златовласого была поразительной. После шести часов за рулём он выглядел бодрым и полным сил. Выйдя из машины, он тут же принялся командовать разбивкой лагеря.

Мы находились в самом сердце степи. Здесь не было не то что людей, но даже животных. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась однообразная картина: рощицы, овраги, озерца, пастбища. От этого пейзажа начинало рябить в глазах.

Я посидел немного на стуле, отдыхая. Постепенно подтянулись и остальные машины. Все немного передохнули и принялись за работу. Мне стало неловко сидеть без дела, и я пошёл искать Златовласого и профессора, чтобы предложить свою помощь.

Чжоу Цзымо руководил установкой палаток. Я помог перетащить несколько вещей, но с каждым шагом чувствовал, как слабею. Видимо, у меня был неважный вид, потому что он отправил меня к Профессору Чэню, сказав, чтобы я отдохнул вместе с ним.

Но учёный тоже не отдыхал. Он разбирал какие-то документы. Я спросил, не нужна ли помощь, но он вежливо отказался и предложил мне прилечь. Его палатку поставили в первую очередь, чтобы он мог отдохнуть.

Я действительно очень устал и решил немного вздремнуть. Старина Чэнь снова отвернулся к своим бумагам. Я заметил, как на его шее неестественно вздулась и медленно пульсировала вена.

Я сказал ему об этом. Он вздохнул.

— Это «травя», — сказал он. — Повсюду лезет. Времени у нас мало.

Его слова тут же напомнили мне рассказ Златовласого о его бывшей жене. Окажись я в такой же ситуации, я бы ни за что не стал рисковать и продолжать путь. Я бы уже давно был в больнице. Их самоотверженность вызывала восхищение, но я понимал, что никогда не смогу быть таким, как они.

С этими смешанными чувствами я и задремал в палатке профессора. Проснулся я уже в сумерках. Старина Чэнь всё так же сидел спиной ко мне за компьютером.

— Профессор, — сказал я, — вы так и не отдохали?

— Не вижу.

Он сказал это, глядя на экран. Я не сразу понял, что он имеет в виду, а потом заметил, что экраны всех трёх его мониторов вдруг замерцали, словно по ним ударили молотком. На них вспыхивали и гасли яркие пятна красного, жёлтого, синего и зелёного цветов, заливая палатку жутким светом.

— Что не видите?

Ладони у меня похолодели. Я смутно начал понимать, что происходит нечто ужасное.

— Ничего не вижу, — повторил он.

Внезапно все экраны погасли. В палатке воцарилась кромешная тьма. Я широко раскрыл глаза, но не мог уловить ни единого лучика света.

«Чёрная гора близко»

В темноте раздался тихий шёпот.

Я с трудом сдержался, чтобы не закричать. Голос был совсем рядом, но это был не голос профессора. Это было так, словно кто-то шептал мне на самое ухо.

Голос был мой собственный.

В моём сознании возник образ — другой я, прижавшийся ко мне совсем близко, с таким же лицом, с таким же языком и губами, произносит эту фразу.

«Она всё ближе» — продолжал он.

Я боролся с подступающей рвотой и всепоглощающим ужасом. Мой разум лихорадочно пытался найти объяснение происходящему, перебирая десятки причин, но ни одна из них не подходила.

Там был кто-то ещё. Он был мной. И он говорил.

Тошнота становилась невыносимой. Я попытался встать с кровати, но, обернувшись, чтобы нащупать её, обнаружил, что она исчезла. Она просто растворилась в пустоте.

Я стоял один посреди кромешного мрака. Меня поглотил леденящий ужас. Ноги сами понесли меня куда-то, хотя я не знал, от чего бегу. Желудок сводило, меня мутило, и в то же время медленно нарастало странное, болезненное чувство голода. От боли по всему телу выступил холодный пот.

Тошнота и головокружение — это уже мучительно, но когда к этому добавляется голод, а голова начинает раскалываться от пульсирующей боли, это становится невыносимо. Я пробежал всего три шага, и резкая боль в глазах заставила меня скорчиться на земле.

Голова и глаза раскалывались так сильно, что это чувство заглушало даже тошноту. Я застонал и схватился за лицо. Глазные яблоки, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Я заскулил и с

силой вдавил их обратно. Только так я мог хоть немного унять агонию.

Я катался по земле, не заботясь о том, как выгляжу, из последних сил сопротивляясь боли. Слёзы и сопли текли по лицу, но я их не замечал.

В такие моменты разум отключается. Весь мой интеллект, казалось, вытек вместе со слезами. Я ясно слышал собственные стоны, похожие на предсмертный хрип маленького зверька, который из последних сил цепляется за жизнь, умирая с широко открытыми глазами.

Больно, больно, чёрт возьми, как же больно! Мать твою! Как же больно! Почему?! Почему это происходит?!

Я сделал глубокий вдох, и густой запах крови ударил мне в нос, заставив закашляться.

Наконец я смог открыть глаза и увидел перед собой размытую, тусклую картину.

На мне кто-то сидел. Его руки сжимали мою голову, а большие пальцы с невероятной силой давили прямо на глазные яблоки.

Я лежал на спине, из последних сил пытаюсь оттолкнуть его руки, не дать ему вырвать мне глаза.

Увидев, что я очнулся, он тихо рассмеялся.

— Нет глаз... не вижу...

Его голос был хриплым. Он наклонился совсем близко, и сильный смрад почти лишил меня возможности дышать.

— Нужны глаза. Отдай их мне.

Мой мозг наконец заработал. Этот голос был мне до боли знаком. Я не должен был его забыть.

Это был не человек. Это было «оно».

Без своих характерных зелёных глаз я не сразу его узнал.

Это был тот самый Волк, говорящий человеческой речью.

Всё это время он шёл за мной. И он нашёл меня здесь.

<http://bllate.org/book/13479/1690723>